

Наполеонъ на островъ св. Елены ¹⁾.

обычною темою разговора между Наполеономъ и докторомъ О'Меара были тѣ безцѣльныя и излишнія строгости, какимъ стремился подчинить бывшаго императора Гудсонъ Лоу, назначенный губернаторомъ острова ²⁾.

На занимаемый имъ важный въ то время постъ нужно было послать человѣка твердаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣжливаго и гуманнаго, который съумѣлъ бы облечь всякій отказъ въ мягкую форму, съумѣлъ бы позолотить самую горькую пилюлю; Гудсонъ Лоу былъ далекъ отъ этого идеала.

Крайняя придирчивость и жестокость этого человѣка засвидѣтельствована не только всѣми французами, состоявшими при Наполеонѣ, но и комиссарами иностранныхъ державъ, которые были посланы для наблюденія за Наполеономъ. По ихъ отзыву это былъ человѣкъ холодный, недалекаго ума, котораго угнетала лежавшая на немъ отвѣтственность. Онъ боялся всякой бездѣлицы, которая могла уронить его въ глазахъ правительства. У него была одна мысль—устеречь Наполеона. „Онъ безустанно трудился надъ укрѣпленіемъ острова, ставилъ въ разныхъ мѣстахъ новые телеграфы и батареи, удваивалъ караулы въ Лонгвудѣ. Его постоянно можно было видѣть верхомъ, окруженнаго инженерами и мчащагося галопомъ то туда, то сюда“.

„Стоило ему задать вопросъ о Бонапартѣ, говорить русскій комиссаръ гр. Бальменъ, или о комъ-нибудь изъ французовъ, и

¹⁾ См. „Русск. Стар.“: янв., февр. 1912 г.

²⁾ Complément du Mémorial de Sainte Hélène. Napoléon en exil, par O'Meara. P. 1824 г. и 1897 г.

Napoléon à Sainte Hélène. Souvenir de Betzy Balcombe. Paris 1898 г.

Изъ бумагъ графа де Бальмэна. „Рус. Архивъ“ 1868 г. и 1869 г.

онъ начиналъ хмуриться, воображая, что ему разставляютъ сѣти, и отвѣчалъ полусловами. Если ему противорѣчили, онъ горячился, не помнилъ себя, не зналъ что сказать и терялъ окончательно голову. Имѣть съ нимъ дѣловыя сношенія и оставаться въ мирѣ невозможно“.

„Не желаю произносить слишкомъ поспѣшнаго сужденія о мѣрахъ предосторожности“, принимаемыхъ губернаторомъ, пишетъ Бальмень графу Нессельроде вскорѣ по приѣздѣ на островъ. „Но признаюсь, я не могу признать ихъ дѣйствительной необходимости. Островъ, столь отдаленный отъ материка, доступный кораблямъ только при извѣстномъ вѣтрѣ и только съ одной стороны, загроможденный скалами, которыя на каждомъ шагу образуютъ непроходимыя пропасти, могъ бы, мнѣ кажется, охраняться проще и съ меньшими издержками“.

Въ чемъ же состояли мѣры предосторожности, принятыя англійскими властями для предотвращенія всякой возможности побѣга съ этого неприступнаго острова, гдѣ природа сама возвела величайшія и непреодолимыя препятствія къ побѣгу, и который въ этомъ отношеніи какъ нельзя болѣе соответствовалъ своему назначенію?

Во-первыхъ, на островѣ находилось три пѣхотныхъ полка, пять ротъ артиллеріи, отрядъ драгунъ, которые составляли ядро гарнизона. Затѣмъ два фрегата, изъ коихъ одинъ 50-ти пушечный, нѣсколько бригадъ и вооруженныхъ шлюпокъ охраняли островъ съ моря. Съ 6 часовъ вечера до 6 часовъ утра вооруженныя шлюпки несли караульную службу вдоль берега. Число пушекъ, расположенныхъ по берегамъ и внутри острова, было громадное.

Послѣ 6 часовъ вечера всѣ лодки, принадлежавшія частнымъ лицамъ и судамъ, приказано было вытаскивать на берегъ, и если бы къ берегу подплыла какая-нибудь шлюпка, по ней приказано было стрѣлять. Вообще, даже днемъ,—ни одно постороннее судно не могло безъ особаго разрѣшенія пристать къ берегу. Плыть вдоль берега ночью изъ-за подводныхъ скалъ было чрезвычайно опасно, а буруны съ такой силой разбивались о берегъ, что и днемъ нерѣдко невозможно было причалить даже на большой шлюпкѣ.

При этихъ условіяхъ побѣгъ былъ физически невозможенъ; допустивъ, что самъ губернаторъ захотѣлъ бы способствовать ему, нужно было, чтобы и адмиралъ, командовавшій флотиліей, былъ въ заговорѣ и наоборотъ, если бы адмиралъ, воспользовавшись благоприятной погодой, спустилъ нѣсколько шлюпокъ, то онѣ подвергались бы обстрѣлу съ берега. Трудно себѣ представить, чтобы Наполеону удалось обмануть бдительность своихъ тюремщиковъ и

тѣмъ не менѣе, съ самаго пріѣзда Гудсона Лоу, его свобода была стѣснена во всемъ. Онъ подвергся всевозможнымъ стѣсненіямъ и самому строгому надзору. Это было особенно тяжело императору послѣ того, что вначалѣ надзоръ былъ не такъ строгъ, и исполнявшій обязанность губернатора, до пріѣзда Гудсона Лоу, Джемсъ Кокбернъ предоставлялъ императору извѣстную долю свободы. Наполеонъ, въ то время еще здоровый и сравнительно веселый, чувствовалъ себя сносно въ уютномъ домѣ мѣстнаго жителя Балькомба. Подлѣ дома было много зелени, были тѣнистыя аллеи, гдѣ онъ могъ прогуливаться.

У Балькомба были двѣ дочери, двѣнадцати и пятнадцати лѣтъ, и два мальчика, пяти и шести лѣтъ. Старшая дочь, Бетси, свободно говорила по-французски. Наполеонъ часто заходилъ къ нимъ побесѣдовать, любилъ поболтать съ дѣтьми и разъ, къ великому ихъ удовольствію, игралъ даже съ ними въ жмурки.

Его свита также пользовалась въ то время значительной свободой. Французамъ разрѣшалось ѣздить въ городъ въ сопровожденіи кого-нибудь изъ англійскихъ офицеровъ и посѣщать любое мѣсто на островѣ, за исключеніемъ фортвъ и батарей; никакихъ осложненій изъ этого не происходило. Имъ не возбранялось посылать запечатанныя письма мѣстнымъ жителямъ и другимъ французамъ, жившимъ на островѣ. Время отъ время они устраивали даже вечеринки, на которыя приглашали офицеровъ гарнизона.

Наполеонъ гулялъ въ то время безъ провожатаго, принималъ на лужайкѣ тѣхъ, кто желалъ быть ему представленъ, и разъ въ недѣлю приглашалъ къ обѣду офицеровъ 53 полка. Но все это рѣзко измѣнилось съ пріѣздомъ Гудсона Лоу и съ перемѣщеніемъ Наполеона въ Лонгвудъ—это „скучнѣйшее въ мірѣ и дорогое для жизни мѣсто“, по отзыву гр. Бальмена. По распоряженію вновь прибывшаго губернатора во всѣхъ пунктахъ острова, для прямого и косвеннаго наблюденія за Наполеономъ, были приняты самыя строгія мѣры.

Несмотря на то, что Лонгвудъ былъ окруженъ пропастями и туда вела всего одна дорога,—на всѣхъ скалахъ были разставлены часовые; куда бы ни упалъ взоръ, вездѣ виднѣлись патрули. При входѣ въ Лонгвудъ, въ ста шагахъ отъ дома стоялъ часовой и разѣзжали патрули; вокругъ всего Лонгвуда была разставлена цѣпь часовыхъ и пикетовъ. Вдоль единственной дороги были разставлены часовые на такомъ разстояніи, что они видѣли другъ друга. Губернатору доносили ежечасно о томъ, что дѣлалось на островѣ, въ случаѣ какого-нибудь происшествія, минуты черезъ три—четыре, весь островъ могъ быть подъ ружьемъ.

Съ наступленіемъ ночи никто не могъ выходить изъ дома, въ которомъ жилъ Наполеонъ; онъ оцѣплялся часовыми, которымъ было приказано стрѣлять во всякаго выходящаго.

Какъ только Наполеонъ переѣхалъ въ Лонгвудъ, къ нему былъ назначенъ особый офицеръ, которому было поручено слѣдить за каждымъ его шагомъ внѣ дома. Если императору хотѣлось выйти за черту того пространства, „постоянно охраняемаго войсками и защищаемаго артиллерійскимъ паркомъ“, гдѣ ему было предоставлено право гулять одному, за нимъ всюду долженъ былъ слѣдовать офицеръ, обязанный ни на минуту не терять его изъ вида.

Разсказываютъ, что однажды (это было еще до пріѣзда Гудсона Лоу) Наполеонъ катался верхомъ въ сопровожденіи генераловъ Бертрана, Монтолона, Гурго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ; вдругъ онъ неожиданно свернулъ съ большой дороги, пришпорилъ лошадь и что есть духу помчался внизъ, прямо въ пропасть; только было слышно, какъ изъ-подъ копытъ его лошади покатались камни. Капитанъ Паплетонъ, которому была поручена его охрана, смотрѣлъ въ изумленіи, не зная, что дѣлать и не рѣшаясь послѣдовать за нимъ. Когда императоръ скрылся изъ вида, Паплетонъ поскакалъ къ Кокберну. Весь запыхавшись, онъ просилъ принять его по важному дѣлу и, войдя въ комнату, разсказалъ, взволнованнымъ голосомъ, о случившемся. Кокбернъ спокойно выслушалъ его и посовѣтовалъ вернуться въ Лонгвудъ, „гдѣ онъ вѣроятно найдетъ генерала Бонапарта, который посмѣется причиненному ему страху“.

Дѣйствительно, когда онъ вернулся въ Лонгвудъ, Наполеонъ преспокойно обѣдалъ.

Мало того, что за Наполеономъ долженъ былъ слѣдовать по пятамъ англійскій офицеръ, императору было запрещено во время прогулокъ говорить и слушать кого бы то ни было по пути и входить въ какой-либо домъ; если бы это случилось, часовымъ было приказано стрѣлять.

Эти унижительныя требованія и постоянное присутствіе офицера, неустанно слѣдившаго за нимъ, заставляли чрезвычайно страдать его самолюбіе, и были причиною того, что онъ очень скоро отказался отъ своего любимаго удовольствія—верховой ѣзды, не желая ѣздить въ сопровожденіи офицера.

„Это значило бы унижить себя, говорилъ онъ, признать себя плѣнникомъ, а я этого не признаю“. Хотя отсутствіе достаточнаго движенія губительно отражалось на здоровьи Наполеона, но онъ говорилъ, что „готовъ лучше умереть, нежели подчиняться этому позорному надзору“.

Губернаторъ не только ограничивалъ свободу Наполеона, онъ подвергалъ его безчисленнымъ стѣсненіямъ и мелкимъ нравственнымъ уколамъ, которые его болѣзненно раздражали. Такъ, напр., онъ строжайше запретилъ кому бы то ни было вести съ Наполеономъ малѣйшую переписку или имѣть съ нимъ сношеніе безъ его вѣдома. Въ числѣ жестокихъ и совершенно безцѣльныхъ мѣръ было лишеніе Наполеона газетъ и журналовъ; ему не давали ни французскихъ журналовъ, ни оппозиціонныхъ англійскихъ; но это не дѣлалось явно, такъ какъ въ Лонгвудѣ посылались всѣ газеты, но онѣ посылались отдѣльными, разрозненными листами, не имѣвшими ни смысла, ни интереса.

Къ свитѣ императора Гудсонъ Лоу примѣнялъ тѣ же строгія правила, какъ къ самому Наполеону; личная свобода французовъ была также стѣснена, онъ вторгался даже въ область частныхъ отношеній, напр., купцамъ было запрещено продавать французамъ въ кредитъ и сообщаться съ ними подъ страхомъ быть изгнанными съ острова. Отъ всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ Лонгвудъ или гр. Бертраана, требовалось, чтобы они передавали губернатору свои разговоры съ французами; офицерамъ было запрещено посѣщать г-жу Бертранъ; около ея дома были разставлены часовые, которымъ было приказано не допускать посѣтителей и т. д.

Постоянно тревожась о томъ, дома-ли Наполеонъ, губернаторъ не только самъ часто бывалъ въ Лонгвудѣ, но то и дѣло посылалъ туда съ письмами и разными порученіями своихъ довѣренныхъ лицъ, которые должны были „видѣть и слышать“ Наполеона и доносить ему о слышанномъ. Наконецъ, онъ потребовалъ, чтобы одинъ изъ его офицеровъ непремѣнно видѣлъ Наполеона каждый день, такъ какъ императоръ, подъ предлогомъ болѣзни, часто отказывался принять самого Гудсонъ Лоу; послѣ свиданія съ нимъ онъ бывалъ обыкновенно грустенъ и раздраженъ.

Онъ терпѣть не могъ Гудсона Лоу и ненавидѣлъ Лонгвудъ, одинъ видъ котораго нагонялъ на него меланхолію. Губернаторъ предлагалъ построить для него домъ въ другой части острова. На вопросъ, какое мѣсто онъ предпочитаетъ, и не желаетъ ли вообще чего-нибудь, Наполеонъ отвѣчалъ:

„A questa casa, in questo luogo tristo, non voglio niente di lui. (Въ этомъ домѣ, въ этомъ печальномъ мѣстѣ, я ничего не хочу отъ него). Пусть онъ помѣститъ меня тамъ, гдѣ есть зелень, тѣнь, вода. Тутъ дуетъ ужасный вѣтеръ съ дождемъ и туманомъ, отъ котораго у меня захватываетъ духъ, или солнце жжетъ мнѣ мозгъ, когда я выхожу“.

„Но я думаю, что какъ только дѣла во Франціи уладятся, и все

успокоится, англійское правительство разрѣшить мнѣ возвратиться въ Европу и закончить жизнь въ Англїи. Я не думаю, чтобы оно было настолько глупо, чтобы тратить 8 милліоновъ въ годъ, для того чтобы держать меня тутъ, когда меня нечего бояться, поэтому вопросъ о домѣ мало интересуеть меня“.

Заговоривъ затѣмъ о возможности побѣга, императоръ замѣтилъ, что хотя бы онъ и захотѣлъ бѣжать, у него на это не было ни малѣйшихъ шансовъ, „и несмотря на это, этотъ тюремщикъ такъ стѣсняетъ меня, какъ будто мнѣ стоитъ сѣсть въ лодку и скрыться. Правда, пока человѣкъ живъ, всегда можно думать, что онъ убѣжитъ, единственное средство помѣшать побѣгу—это покончить съ нимъ. Только мертвымъ нѣтъ возврата.

„Когда меня не будетъ, кончится тревога европейскихъ державъ и лорда Кастлери. Не будетъ болѣе расходовъ, не надо будетъ флота, чтобы стеречь меня. Тогда бѣдные солдаты не будутъ болѣе уставать до смерти, стоя на часахъ, и не будутъ замучиваться, та-кая тяжести на эти скалы“

По дневнымъ записямъ доктора О’Меара и другихъ лицъ, ежедневно выдавшихъ императора, можно составить себѣ понятіе о томъ, какъ сложилась домашняя жизнь Наполеона, и чѣмъ наполнялъ въ заточеніи свой досугъ этотъ человѣкъ, привыкшій къ самой разнообразной кипучей дѣятельности.

Наполеонъ вставалъ довольно рано; совершивъ свой туалетъ и почитавъ, онъ завтракалъ иногда у себя за маленькимъ круглымъ столикомъ или со всѣми вмѣстѣ въ 11 часовъ, послѣ чего нѣсколько часовъ подъ рядъ диктовалъ Ласказу или его сыну, читалъ, отмѣчалъ даты и собиралъ матеріалъ для исторїи своей жизни со своего прибытія во Францію и до возвращенія изъ Египта. Окончивъ эти занятія, онъ принималъ посѣтителей, гулялъ пѣшкомъ или катался въ коляскѣ, изрѣдка верхомъ, обѣдалъ въ 8 часовъ, при чемъ сидѣлъ за столомъ недолго. Онъ ѣлъ съ аппетитомъ и очень скоро, охотнѣе всего баранину и бараньи котлеты; не любилъ острыхъ приправъ и рѣдко выпивалъ за столомъ болѣе полубутылки бѣлаго вина.

Въ послѣобѣденное время, когда не было гостей, императоръ либо игралъ на билліардѣ или въ шашки и шахматы, либо читалъ вслухъ французскихъ классиковъ и декламировалъ что-нибудь изъ Корнея, подражая Тальмѣ, либо просилъ г-жу Монтолонъ пѣть итальянскія арїи, или наконецъ бесѣдовалъ съ окружающими совершенно просто о своей прошлой жизни и въ своихъ разсказахъ былъ, повидимому, всегда правдивъ. Онъ удивительно хорошо помнилъ всѣ подробности событій. Любопытная черта: когда ему попадались

пасквили на него, онъ читалъ ихъ удивительно равнодушно и не выражалъ ни малѣйшаго озлобленія.

Спалъ Наполеонъ мало; вставая иногда въ 3—4 часа утра для занятій, онъ читалъ часовъ до 6—7, затѣмъ снова ложился отдохнуть. Въ чудныя тропическія лунныя ночи онъ гулялъ взадъ и впередъ по саду. Когда ему не здоровилось, его камердинеръ Маршанъ читалъ ему вслухъ, пока онъ не засыпалъ.

Онъ очень любилъ брать ванну и нерѣдко просиживалъ въ ней часами, бесѣдуя со своимъ докторомъ и даже закусывая. Гудсонъ Лоу, по словамъ Ласказа, не понималъ, что „генералу Бонапарту нужно было *вариться* столько времени въ горячей водѣ и такъ часто повторять эту операцію“.

Соблюдать діету, пить много воды и брать ванну было, по мнѣнію Наполеона, наилучшимъ средствомъ при недомоганіи. „Лекарства, говорилъ онъ, хороши только для людей стараго режима“.

Несмотря на неограниченную власть губернатора, Наполеонъ не допускалъ ни малѣйшаго съ его стороны вмѣшательства во внутренній распорядокъ своей жизни, онъ былъ у себя дома не только хозяиномъ, но императоромъ.

Русскаго комиссара поразило громадное вліяніе, какимъ онъ пользовался на умы окружающихъ. „Всѣми и всѣмъ чувствовалось здѣсь превосходство этого человѣка (окруженнаго скалами, пропастями и стражею), пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ донесеній. Французы дрожатъ при видѣ его и почитаютъ за счастье служить ему. Ласказъ говоритъ во всеуслышаніе, что блаженство его заключается въ ежеминутномъ созерцаніи героя-феномена“.

„Англичане также робки въ обращеніи съ нимъ. Самые сторожа его добиваются его взгляда, слова и разговора; онъ съумѣлъ поставить ихъ такъ, что никто не осмѣливается обходиться съ нимъ какъ съ равнымъ; человѣкъ этотъ, рожденный для того, чтобы повелѣвать, съумѣлъ и тутъ поддержать достоинство своего сана и сохранилъ въ своемъ обращеніи приемы императорскаго достоинства. Онъ достигъ этого тѣмъ, что „заперся въ своемъ убѣжищѣ, гдѣ никто не имѣлъ права контролировать его дѣйствій“, рѣшительно отказался подчиняться унижительнымъ требованіямъ губернатора и поставилъ свой домъ такъ, что въ немъ соблюдался строгій придворный этикетъ, хотя въ немъ было всего шесть—семь царедворцевъ и 12 слугъ, но это импонировало окружающимъ.“

„Домъ его, писалъ Бальменъ, настоящій дворецъ, при которомъ Бертранъ исполняетъ должность перваго маршала, Ласказъ—государственнаго секретаря, Монтолонъ—министра двора, Гурго—гене-

ралъ-адъютанта, Понятовскій—главнаго конюшаго, г-жи Бертранъ и Монтолонъ—статсъ-дамъ.

Строжайшій этикетъ соблюдался во всемъ даже тогда, когда императоръ былъ одинъ со своими приближенными, тѣмъ болѣе когда за столомъ былъ кто-нибудь посторонній. Это поражало прїѣзжихъ.

При императорѣ во время обѣда стояли мѣтръ-д'отель и офицеръ, которые являлись къ столу въ зеленыхъ сюртукахъ съ серебрянымъ шитьемъ, бѣломъ жилетѣ, черныхъ шелковыхъ штанахъ, башмакахъ съ пряжками; при нихъ для помощи было два камердинера, одѣтыхъ точно также, но съ золотымъ шитьемъ на воротникѣ и обшлагахъ, и три лакея.

Обѣдъ подавался на серебряной посудѣ; серебра было много: тарелки, миски, блюда, крышки съ орлами были серебряныя. Десертъ подавался на сервизѣ изъ севрскаго фарфора съ видами городовъ и битвъ, который назывался сервизомъ „des quartiers gé-né-raux“, къ десерту подавались серебряныя вызолоченныя ложечки особаго фасона для компота, для сахара, для пудинга. Къ кофею, который наливался въ серебряный позолоченный кофейникъ, подавались чашки съ видами Египта; на блюдахъ были изображены портреты беевъ и знатныхъ египтянъ по рисункамъ, исполненнымъ въ Египтѣ Денопомъ.

Такъ сервировался обѣдъ, когда въ первое время по переѣздѣ въ Лонгвудъ къ столу приглашались ежедневно одинъ или два офицера 53 полка и сэръ Джоржъ Бингамъ, полковой командиръ.

„Это былъ роскошный обѣдъ“, пишетъ Бингамъ: особенно поразили его чашки, изъ коихъ каждая, по его словамъ, стояла во Франціи не менѣе двадцати пяти гиней.

Со временемъ эта роскошь уменьшилась, такъ какъ императоръ вскорѣ пересталъ приглашать кого бы то ни было; часть серебра пришлось сломать и продать, и онъ отказался употреблять сервизъ изъ севрскаго фарфора, столь драгоценный по воспоминаніямъ, приберегая его для подарковъ, но до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ былъ здоровъ, этикетъ соблюдался полный, и Наполеонъ требовалъ, чтобы всѣ были одѣты, какъ полагалось по правиламъ, и дамы какъ можно наряднѣе.

Лица, желавшія представиться Наполеону или сообщить ему какое-нибудь дѣло, должны были обратиться къ главному маршалу. Добивавшіеся аудіенціи черезъ губернатора могли быть увѣрены, что получаютъ отказъ. Отъ этого правила Наполеонъ никогда не отступалъ ни на іоту, не дѣлая исключенія и для дамъ. „Знатные иностранцы, обращавшіеся къ посредничеству Гудсона Лоу, никогда не могли добиться аудіенціи у императора“.

Однажды, проѣздомъ въ Индію, прибыла на островъ Св. Елены лэди Мойра. Гудсонъ Лоу, чтобы легче уладить свиданіе, вздумалъ пригласить къ себѣ на обѣдъ императора и ее; и съ этой цѣлью написалъ пригласительную записку въ Лонгвудъ—именуя по своему обыкновенію Наполеона генераломъ Бонапартомъ, чего бывший императоръ не выносилъ. Наполеонъ ничего не отвѣтилъ на приглашеніе, какъ вообще никогда не отвѣчалъ на всѣ обращенія, адресованныя „генералу Бонапарту“, и только послалъ извиниться передъ лэди Мойра, которая такъ и уѣхала, не видавъ его.

— Нельзя же, однако, обходиться съ вами какъ съ государемъ,—замѣтилъ Наполеону адмиралъ сэръ Малькольмъ, когда зашла однажды рѣчь объ его титулѣ.

— А почему нѣтъ?—возразилъ Наполеонъ,—пусть оставятъ мнѣ почести, какъ забаву. Въ моемъ положеніи, на этомъ утесѣ, какой вредъ это можетъ принести?

— Стало быть, васъ слѣдуетъ именовать императоромъ?

— Нѣтъ,—сказалъ Наполеонъ послѣ минутнаго размышленія,—я подписалъ отреченіе.

— Вы не хотите, чтобы васъ называли генераломъ?

— Потому что съ тѣхъ поръ, какъ я возвратился изъ Египта, я болѣе не генералъ. Всякое другое имя идетъ ко мнѣ лучше. Пусть называютъ меня Наполеономъ.

— Я отказался отъ престола, а не отъ императорскаго титула,—сказалъ онъ другой разъ въ разговорѣ съ докторомъ О'Меара.—Я не называю себя императоромъ французовъ, а императоромъ Наполеономъ. Монархи сохраняютъ свой титулъ. Такъ напр. Карлъ испанскій сохранилъ свой титулъ, отрекшись въ пользу сына.

— Съ моей стороны по-истинѣ было бы смѣшно называть себя въ моемъ положеніи императоромъ, если бы ваши министры не вынуждали меня къ этому. Это напоминало бы несчастнаго обитателя Бедлама, мнящаго себя королемъ въ цѣпяхъ.

Чтобы только не называться генераломъ Бонапартомъ, Наполеонъ готовъ былъ даже принять фамилію частнаго лица, напр. Мальмезонъ или де-Мюрронъ (имя одного полковника, котораго онъ любилъ); по прибытіи своемъ на островъ Св. Елены онъ немедленно сообщилъ о томъ Кокберну и сдѣлалъ подобное же заявленіе Гудсону Лоу. И тотъ и другой отвѣчали, что заявленіе должно быть представлено на разсмотрѣніе министровъ. Отвѣта не послѣдовало, но если бы Наполеону было разрѣшено принять частное имя, это значительно упростило бы конечно всѣ вопросы этикета.

Давая аудіенціи пріѣзжимъ и мѣстнымъ жителямъ, Наполеонъ

съ одними бесѣдовалъ долго съ глаза на глазъ, другихъ отпускалъ тотчасъ по представленіи. „Онъ никогда не приглашалъ посѣтителей садиться, исключая тѣхъ случаевъ, когда онъ самъ лежалъ, и чрезвычайно боялся, чтобы кто-нибудь не позволилъ себѣ этой вольности, какъ это случилось однажды съ Кокберномъ; чтобы предупредить это, онъ принималъ всѣхъ стоя.

Адмиралу сэру Малькольму, съ которымъ Наполеонъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, случалось имѣть съ нимъ разговоры по три и по четыре часа, въ продолженіе которыхъ оба, изнемогая отъ усталости, прислонялись къ столу или къ стѣнѣ, но ничто не могло заставить императора отступить отъ принятаго рѣшенія“.

Ходившій вначалѣ въ мундирѣ, Наполеонъ вскорѣ снялъ его и сталъ носить охотничій костюмъ: онъ являлся на аудіенціи въ зеленомъ поношенномъ платьѣ съ серебряными пуговицами, на которыхъ были изображены олени, кабаньи и лисьи головы, въ бѣлыхъ штанахъ и чулкахъ съ золотыми овальными пряжками на башмакахъ, со шляпою подъ мышкою, въ орденѣ Почетнаго легіона и съ табакеркою въ рукѣ.

Туалетъ Наполеона совершался очень торжественно; ему помогали Маршанъ, Сенъ-Дени и Наварра. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ держалъ передъ нимъ зеркало, другой—все нужное для бритья, между тѣмъ какъ Маршанъ подавалъ одежду, одеколонъ и пр. Обривъ одну сторону, Наполеонъ спрашивалъ у Сенъ-Дени или Наварра: „хорошо?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ начиналъ брить другую сторону. Когда эта операція была окончена, зеркало подносили къ свѣту, и онъ внимательно смотрѣлъ, чисто-ли выбрито лицо. Если замѣчалъ, что остались волосы, то онъ бралъ одного изъ нихъ за ухо или хлопалъ его слегка по щекѣ (обычная привычка Наполеона), приговаривая съ веселымъ видомъ:

„А, негодяй (coquin), зачѣмъ сказалъ, что хорошо?“

Вѣроятно, эта шутка дала поводъ говорить, что императоръ дурно обращался со слугами.

Выбрившись, онъ обмывалъ лицо водою съ небольшою примѣсью одеколона и слегка спрыскивалъ имъ себя. Послѣ этого онъ тщательно чистилъ зубы; часто просилъ растереть ему тѣло щеткой; затѣмъ мѣнялъ бѣлье, снималъ фланелевый жилетъ и надѣвалъ свой обычный костюмъ.

Когда процессъ одѣванія заканчивался, ему подавали его бомбоньерку, табакерку и платокъ, и онъ уходилъ изъ комнаты.

При маленькомъ дворѣ Наполеона происходили интриги и соперничества такъ же точно, какъ при всякомъ иномъ дворѣ.

„Каждый изъ приближенныхъ императора желалъ быть его любимцемъ; это давало поводъ къ весьма комическимъ столкновениямъ. Монтолонъ, завѣдывавшій внутренней дворцовой частью, завидовалъ положенію Бертрана, министра внѣшнихъ дѣлъ. Гурго, наскучивъ парадировать въ передней, въ качествѣ генераль-адъютанта, смотрѣлъ съ неудовольствіемъ на болѣе интересныя занятія Ласказа, которому Наполеонъ диктовалъ свою исторію. Дамы также соперничали другъ съ другомъ“.

Какъ ни мало было число приближенныхъ Наполеона, но содержаніе его двора стоило англійскому правительству огромныхъ денегъ. Жизнь европейца на островѣ Св. Елены стояла вообще такія неимовѣрныя суммы, повѣрить которымъ было бы трудно, если бы комиссары союзныхъ державъ не подтверждали ихъ единогласно.

Въ настоящее время, когда обнародованы ихъ донесенія, извѣстно положительно, что стоили на островѣ сѣстные припасы и все необходимое для жизни. Извѣстно, что комиссары находили недостаточнымъ жалованье въ 50.000 франковъ, назначенное имъ первоначально, и что они очень скоро стали получать 60.000 франковъ. Французскій комиссаръ, маркизъ Монтеню, настоятельно требовалъ 75.000 и даже 100.000 фр.

Между тѣмъ его домъ состоялъ всего изъ семи лицъ: его самого, адъютанта, повара, лакея, двухъ негровъ и горничной.

Содержаніе, ассигнованное комиссарамъ ихъ правительствами, составляло треть того, что англійское правительство рѣшило ассигновать на содержаніе императора, а домъ Наполеона въ Лонгвудѣ состоялъ вначалѣ не менѣе чѣмъ изъ 80 человекъ. Позднѣе ихъ было 50; и если судить по масштабу, принятому уполномоченными державъ, то императору нужна была сумма вдвое бѣльшая по сравненію съ тѣмъ, что отпускало ему англійское правительство.

Что касается самого Наполеона, то онъ былъ непритязателенъ относительно ѣды; онъ ѣлъ мало и никогда не слылъ любителемъ изысканной кухни. Онъ довольствовался несравненно меньшимъ количествомъ блюдъ, нежели многіе герцоги и графы, но на островѣ Св. Елены; онъ хотѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ жить какъ императоръ, какъ онъ жилъ раньше. Это было его главной заботой, это было дѣломъ личнаго самолюбія и заботы о династіи.

Коль скоро Наполеону не хватало денегъ и приходилось тратить на содержаніе, на жалованье приближеннымъ и слугамъ, раздачу пособій бѣднымъ и на случайные расходы изъ своихъ собственныхъ средствъ до 200.000 франковъ въ годъ, ему нужно было гдѣ-нибудь

найти эти деньги. Это послужило въ свою очередь поводомъ къ частымъ и острымъ столкновеніямъ съ губернаторомъ.

Пока не изсякли деньги, привезенныя изъ Европы, Наполеонъ былъ готовъ платить не только половину, но даже полностью все то, что стоило содержаніе его дома, но деньги уходили, а императоръ не хотѣлъ называть тѣхъ, у кого хранились его капиталы, такъ какъ ихъ не замедлили бы конфисковать, поэтому онъ хотѣлъ вести объ этомъ переписку закрытыми письмами, на что англійское правительство не согласилось.

Тогда императору пришлось прибѣгнуть къ продажѣ своего серебра.

— Комедія,—говорили англичане,—у императора были деньги.

Комедія или нѣтъ, но это возбудило шумъ, и Гудсону Лоу пришлось нарушить данныя имъ инструкціи и не препятствовать болѣе перепискѣ и ежемѣсячной присылкѣ денегъ изъ тайныхъ источниковъ. Съѣстные припасы на островѣ не только были неимоверно дороги, но вслѣдствіе несвоевременной ихъ доставки, въ Лонгвудѣ зачастую терпѣли недостатокъ во всемъ: въ винахъ, въ мукѣ, свѣжей говядинѣ; лошади должны были довольствоваться половиною порціей; къ тому же провизія была дурного качества: говядина чрезвычайно жестка, птица худа, овощи водянисты, мука затхлая.

Вотъ что говорилъ по этому поводу русскому комиссару генералъ Монтолонъ.

„Губернаторъ скупъ до невѣроятности. Съѣстные припасы, доставляемые въ Лонгвудъ, очень плохого качества, и отпускаются въ ничтожномъ количествѣ; часто изъ того, что отпущено, половину невозможно ѣсть. Мы можемъ получать наши обѣденныя деньги только по билетамъ Балькомба и К^о (поставщика) и то не болѣе 50 ф. въ разъ. Случилось, что я однажды попросилъ 60, миѣ представили затрудненія.

По дороговизнѣ здѣшнихъ припасовъ, судите сами, можетъ ли быть достаточна сумма въ 8.000 ф. ст., опредѣленная на содержаніе императора“.

„Губернаторъ тиранъ, темничный стражъ, облеченный полною властію, которому пріятно угнетать насъ. Всѣ его выдумки для предотвращенія побѣга отвратительны и смѣшны. Этотъ человѣкъ ниже занимаемаго имъ мѣста и мало понимаетъ своего плѣнника. Здѣсь надобенъ человѣкъ твердый, вѣрный своей обязанности, но человѣколюбивый, деликатный и не до такой степени ограниченный. Такой выборъ дѣлаетъ стыдъ Англій“.

Съ пріѣздомъ на островъ Св. Елены комиссаровъ европейскихъ державъ подозрительность губернатора увеличилась; хотя ихъ роль

была совершенно пассивная, но такъ какъ они не зависѣли отъ его власти, то онъ имъ не довѣрялъ и боялся, что черезъ нихъ жалобы Наполеона могли дойти до Европы, потому онъ былъ очень доволенъ, когда Наполеонъ отказался принять ихъ.

Миссія комиссаровъ, посланныхъ Франціей, Австріей и Россіей для надзора за Наполеономъ, въ силу конвенціи, заключенной между этими державами 2 августа 1815 г., состояла отнюдь не въ томъ, чтобы контролировать мѣры, которыя Англія сочла бы нужнымъ принять по отношенію къ отданному на ея попеченіе плѣннику, или усилить за нимъ надзоръ. Посылая на островъ Св. Елены своихъ уполномоченныхъ, державы имѣли въ виду лишь „продать дѣлу общеевропейскій характеръ, подтвердить и сдѣлать несомнѣннымъ, что Бонапартъ—плѣнникъ Европы, и успокоить общественное мнѣніе, которое сильно было встревожено во всѣхъ странахъ“.

Роль ихъ слѣдовательно была пассивная, тѣмъ не менѣе она была очень трудная; не имѣя права ни во что вмѣшиваться и высказывать своихъ сужденій о дѣйствіяхъ англійскихъ властей, они должны были наблюдать за всѣмъ происходившимъ и обо всемъ давать отчетъ и въ то же время установить дружелюбныя отношенія съ губернаторомъ, а въ своихъ сношеніяхъ съ Наполеономъ—въ точности держаться правилъ, которыя „будутъ установлены на этотъ предметъ губернаторомъ“.

Мы уже знаемъ, какія непріязненныя, обостренныя отношенія существовали между Наполеономъ и Гудсономъ Лоу, поэтому само собою ясно, что при этихъ условіяхъ миссія комиссаровъ не могла быть успѣшна: если бы они заслужили, какъ имъ предписывалось, довѣріе губернатора, то они неизбежно стали бы въ непріязненныя отношенія къ Наполеону и, слѣдовательно, не могли бы доставлять своимъ правительствамъ тѣхъ драгоцѣнныхъ о немъ свѣдѣній, какихъ отъ нихъ ожидали. Такъ оно и случилось.

Императоръ Александръ живо интересовался донесеніями русскаго комиссара и прочитывалъ ихъ самъ. Къ сожалѣнію, Бальмену приходилось сообщать о Наполеонѣ не по личнымъ наблюденіямъ, а со словъ другихъ лицъ, ибо бывший императоръ, освѣдомившись о томъ, имѣютъ ли комиссары письма къ нему отъ своихъ монарховъ и получивъ отрицательный отвѣтъ, рѣшительно отказался принять ихъ. Положеніе получилось крайне затруднительное.

„Какая нелѣпость посылать сюда комиссаровъ, не возложивъ на нихъ никакой обязанности и никакой отвѣтственности, говорилъ онъ. Имъ остается только расхаживать по улицамъ и карабкаться по скаламъ. Прусское правительство поступило умнѣе и сберегло деньги“.

Узнавъ о томъ, что французскій и австрійскій комиссары обратились къ губернатору съ оффиціальною нотой, въ которой просили не только позволенія быть представленными Наполеону, но и содѣйствія къ этому, императоръ замѣтилъ, что „они прибѣгли къ плохому средству, чтобы увидѣть его, что всѣ державы Европы вмѣстѣ взятыя не заставятъ его принять ихъ какъ оффиціальныхъ лицъ, хотя бы они взломали двери къ нему или разрушили его домъ“.

Графъ де Вальмень, которому его инструкціи предписывали „въ сношеніяхъ съ Бонапартомъ соблюдать ту умѣренность и пощаду, которыхъ въ правѣ требовать положеніе столь деликатное и личное уваженіе къ нему“, не присоединился къ домогательствамъ своихъ коллегъ силою заставить императора принять ихъ и насильственно вторгнуться въ Лонгвудъ и не подписалъ ноты, поданной ими въ этомъ смыслѣ губернатору.

Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ былъ очень доволенъ поведеніемъ Вальмена и увидѣлъ въ этомъ „великодушныя и возвышенныя чувства русскаго императора“. Одинъ изъ французовъ, встрѣтивъ его въ городѣ, подошелъ къ нему и сказалъ:

„Императоръ знаетъ, что вы не подписали ноты комиссаровъ. Онъ тронутъ этимъ благороднымъ поступкомъ и поручилъ мнѣ благодарить васъ“.

Когда Гудсонъ Лоу рѣшился, наконецъ, обратиться къ Наполеону и передать ему желаніе комиссаровъ, онъ отвѣчалъ:

„Если эти господа желаютъ быть представлены мнѣ, какъ частныя посѣтители, я не вижу препятствія ихъ допустить. Они могутъ отнестись къ моему гофмаршалу; если же они хотятъ видѣть меня въ качествѣ комиссаровъ, пусть покажутъ мнѣ конвенцію 2 августа, и я подумаю“.

Другой разъ, когда адмиралъ Малькольмъ завелъ въ Лонгвудъ рѣчь о комиссарахъ, Наполеонъ воскликнулъ:

„Какъ приму я этихъ людей? отъ кого они присланы сюда? Не отъ Австріи ли, которая двадцать разъ лежала у ногъ моихъ; или, можетъ быть, баронъ Штюрмеръ привезъ мнѣ извѣстія о женѣ моей и о сынѣ? Не отъ Императора ли Александра, которому я не разъ дѣлалъ одолженіе послѣ Тильзитскаго мира? Что сдѣлалъ онъ съ своей стороны, чтобы облегчить несчастное мое положеніе? Принять комиссаровъ значило бы признать себя плѣнникомъ Европы. Я вашъ плѣнникъ на дѣлѣ, потому что вы держите меня, но не по праву“.

Узнавъ, что французскимъ комиссаромъ былъ маркизь Монтеню, императоръ разразился гнѣвомъ:

„Я знаю этого Монтеню, закричалъ онъ, это старый... враль.“

каретный генералъ, который въ жизнь свою и не нюхивалъ пороху; я не приму его“.

Между тѣмъ Монтею, съ дѣйствіями котораго австрійскому комиссару Штюрмеру предписано было сообразоваться, главнымъ образомъ испортилъ все дѣло, настаивая на томъ, что онъ не можетъ видѣть Наполеона иначе, какъ въ качествѣ комиссара, ибо въ противномъ случаѣ онъ унизилъ бы достоинство своего двора“.

Время шло въ безплодныхъ переговорахъ; насталъ октябрь, а комиссары, пріѣхавъ въ іюнь, все еще не видѣли императора.

Въ исходѣ октября докторъ О'Меара встрѣтился съ ними за обѣдомъ у губернатора.

Комиссары выразили свое неудовольствіе по поводу того, что они еще не были приняты въ Лонгвудѣ: графъ Бальмень въ особенности жаловался на это и замѣтилъ, что если бы онъ предвидѣлъ, какъ съ нимъ будутъ обращаться, то онъ бы не пріѣхалъ. Между прочимъ онъ сказалъ, что Императоръ Александръ очень заинтересованъ въ томъ, чтобы помѣшать побѣгу Наполеона, но онъ желалъ бы, чтобы съ нимъ обращались съ подобающимъ ему уваженіемъ. „Комиссары станутъ посмѣшищемъ Европы, говорилъ Бальмень, если узнаютъ, что они провели столько мѣсяцевъ на островѣ, не выдавъ того, чье присутствіе они обязаны были засвидѣтельствовать“.

Отказываясь принять комиссаровъ, какъ оффиціальныхъ лицъ, Наполеонъ очень желалъ, чтобы они посѣтили его, какъ частныя лица; въ особенности онъ выражалъ желаніе видѣть гр. Бальмена: объ этомъ передавали графу разныя лица, въ томъ числѣ и „маленькая Бетси“; она увѣряла меня, писалъ Бальмень графу Нессельроде, „что ея другъ Бони (какъ она фамиллярно называла Наполеона) съ нетерпѣніемъ ждетъ случая говорить съ мной“. Хотя Бальмень и могъ бы, не отступая отъ своихъ инструкцій, представиться Наполеону частнымъ образомъ, но онъ рѣшилъ дѣйствовать единодушно со своими товарищами.

Въ исходѣ 1816 г. Наполеонъ испыталъ большое огорченіе: его секретарь и помощникъ въ литературныхъ трудахъ, графъ Ласказъ и его сынъ были арестованы по обвиненію въ подкупѣ одного изъ мѣстныхъ жителей, съ цѣлью переправить черезъ него въ Европу письма. Хотя въ нихъ не оказалось ничего преступнаго, и не было намека на какой-нибудь планъ побѣга, тѣмъ не менѣе губернаторъ вскорѣ отправилъ Ласказа на мысъ Доброй Надежды.

Это былъ единственный изъ французовъ, хорошо знавшій англійскій языкъ; безъ него Наполеонъ былъ лишенъ возможности просматривать англійскіе журналы и книги. Большимъ огорченіемъ для

императора было то обстоятельство, что вмѣстѣ съ бумагами Ласказа были задержаны его собственныя бумаги. Онъ замѣтилъ доктору О'Меара, что если бы въ письмахъ Ласказа говорилось о какомъ-нибудь заговорѣ, то это можно было видѣть сразу при бѣгломъ просмотрѣ бумагъ. „Нѣсколько минутъ было достаточно для того, чтобы убѣдиться, что въ моемъ описаніи италіанскихъ походовъ не было ничего предосудительнаго, и губернаторъ не имѣлъ никакого права задержать его бумагъ“.

„Могу ли я быть увѣренъ, что когда я окончу свою исторію, онъ не завладѣетъ ею? Правда, я могу хранить рукописи въ своей комнатѣ и защищать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ и пустить пулю въ лобъ тому, кто захотѣлъ бы завладѣть ими; но это не особенно пріятно! Придется сжечь все то, что я написалъ; это было моимъ единственнымъ развлеченіемъ въ этомъ ужасномъ жилищѣ: быть можетъ, мои сочиненія заинтересовали бы кого-нибудь; но съ этимъ *sbirro siciliano* нельзя быть увѣреннымъ въ своей безопасности. Онъ нарушаетъ всѣ законы и попираетъ приличіе, вѣжливость и уваженіе, которое люди должны соблюдать взаимно въ цивилизованномъ обществѣ: когда онъ былъ здѣсь, въ его глазахъ свѣтилась дикая радость потому, что онъ нашелъ случай оскорбить насъ. Въ ту минуту, когда онъ со своимъ штабомъ отдавалъ приказаніе оцѣпить нашъ домъ (чтобы арестовать Ласказа, бывшаго въ тотъ моментъ у Наполеона), онъ напомнилъ мнѣ дикарей съ острововъ южнаго океана, которые танцуютъ вокругъ плѣнныхъ прежде, чѣмъ сожрать ихъ. Передайте ему то, что я сказалъ“. И боясь, что я позабуду его слова о дикаряхъ, онъ повторилъ ихъ и заставилъ меня повторить.

„Какъ я былъ глупъ, отдавшись въ ваши руки! продолжалъ Наполеонъ. Я имѣлъ ошибочное представленіе о вашемъ національномъ характерѣ; я имѣлъ какое-то романическое понятіе объ англійской націи. Къ этому примѣшалась гордость: мнѣ было бы совѣстно отдаться въ руки одного изъ монарховъ, владѣнія коихъ были мною завоеваны, и въ чью столицу я вступилъ, какъ побѣдитель; это и побудило меня отдаться въ ваши руки, такъ какъ вы не были побѣждены мною. Я жестоко наказанъ за высокое мнѣніе, которое я составилъ о вашей націи, и за довѣріе, съ какимъ я къ ней отнесся, вмѣсто того, чтобы отдать себя въ руки моего зятя или Императора Александра, которые отнесли бы ко мнѣ какъ монархи“. Я замѣтилъ на это, пишетъ О'Меара, что Императоръ Александръ сослалъ бы его въ Сибирь.

„Ни чуть, отвѣчалъ Наполеонъ. Если бы я былъ во власти Императора Александра, желанія мои предупреждались бы. Это

человѣкъ благородный. Онъ заставилъ бы меня забыть мое несчастье“. Помимо всякихъ соображеній интимнаго свойства, Александръ, изъ видовъ политики и изъ желанія быть популярнымъ, обращался бы со мною, какъ съ императоромъ; въ мое распоряженіе были бы предоставлены дворцы. Къ тому же Александръ великодушень, ему было бы пріятно обходиться со мною хорошо.

„Мой тестъ, хотя человѣкъ не особенно далекій, но также религіозный; онъ не способенъ совершить преступленіе или быть столь жестокимъ, какъ здѣсь жестоки со мною“.

Послѣ отъѣзда Ласказа Наполеонъ сталъ печалень. „Онъ старался казаться равнодушнымъ, но видимо страдалъ въ душѣ. Однажды у него вырвалось восклицаніе:

„Лучше бы мнѣ умереть разомъ!“.

„Пускай отнимутъ у меня всѣхъ моихъ французовъ, я не хочу болѣе имѣть ихъ подлѣ себя, говорилъ онъ. Все равно, ихъ отнимутъ у меня подъ какимъ-нибудь предлогомъ“.

И въ самомъ дѣлѣ, вслѣдъ за Ласказомъ изъ Лонгвуда были отправлены изъ соображеній экономіи капитанъ Пюнтовскій и четверо слугъ.

„Я не могу понять поведенія вашихъ министровъ, говорилъ Наполеонъ доктору О'Меара. Они тратятъ 60—70 тысячъ ф. ст. на то, чтобы послать сюда мебель и строительный матеріалъ для новаго дома, и въ то же время ограничиваютъ меня во всемъ. Они заставляютъ меня отпустить слугъ и дѣлать экономію, которая не совмѣстима съ приличіемъ и благополучіемъ моего дома. Съ нами торгуются изъ-за бутылки вина или двухъ-трехъ фунтовъ мяса съ такимъ серьезнымъ и важнымъ видомъ, какъ будто дѣло идетъ о судьбѣ нѣсколькихъ королевствъ. Я вижу непонятныя противорѣчія: съ одной стороны огромныя и ненужныя траты, съ другой невѣроятное сквалыжничество и мелочность. Почему они не допускаютъ, чтобы я самъ покупалъ все необходимое, это было бы лучше, чѣмъ унижать достоинство націи.“

„По правдѣ сказать, надобно большое мужество, чтобы переносить подобную жизнь въ этомъ ужасномъ мѣстѣ. Этотъ нахаль наноситъ мнѣ каждый день новые удары въ сердце и находитъ наслажденіе дѣлать мнѣ больно. Это повидимому единственное его удовольствіе. Онъ каждый день выдумываетъ новое средство мучить и оскорблять меня и налагать на меня новыя лишенія; онъ хочетъ сократить мою жизнь, раздражая меня каждый день“.

„Я увѣренъ, что ни одинъ изъ министровъ не далъ бы своего согласія на то, чтобы со мною обращались такъ, какъ обращается со мною этотъ тираннъ. Его стараніе держать все это втайнѣ пока-

зываетъ, что онъ боится, чтобы его поступки не стали извѣстны. Въмѣсто того, чтобы соблюдать эту тайну и окружать меня шпионами, онъ лучше бы сдѣлалъ, обращаясь со мною такъ, чтобы не бояться жалобъ съ моей стороны“.

„Я не думаю, чтобы онъ поступалъ согласно полученнымъ имъ инструкціямъ, а если это такъ, то онъ опозорилъ себя, принявъ подобное назначеніе“.

В. Тимощукъ.

